

Владимир Авдеев

НЕРОЖДЁННЫМ РОЖДЁН БЫЛ ОТЦОМ

Элитарная проза?..

Непривычная, бесцеремонно разрушающая каноны, подчас раздражающая излишней сложностью или столь же излишней, невыносимой, казалось бы, простотой, её трудно читать в транспорте, в приёмной, на сон грядущий, она требует напряжённой умственной работы. Поэтому и «элитарная».

Под новой рубрикой мы намерены печатать прозу, а также и поэзию, непривычную для газетных полос. Отдаем себе при этом отчёт, что многие ищут в «ЛГ» прежде всего головокружающие сюжеты судебных очерков, аналитические статьи наших коллег из второй «тетрадки» о насущных проблемах и перспективах политического и общественно-экономического развития. И, может быть, притча о римском легионере вызовет непонимание: господа, о чём это они? А стихи, в которых не текут привычным классическим размером рифмованные строки, да ещё и — о ужас! отсутствуют знаки препинания, спровоцируют негодующие письма вроде: «Я люблю Пушкина, а вы печатаете чёрт знает что! Как после этого объяснять детям правила грамматики?» Но, уважаемые читатели, коли это реальная часть сложного и многообразного литературного процесса, то кому, как не газете литературной, знакомить вас с ней?

Для начала публикуется притча молодого московского прозаика Владимира Авдеева. Это его первое выступление в центральной прессе. Но уже в январе следующего года другие произведения Авдеева увидят свет на страницах журнала «Советская литература».

Владимир Авдеев — москвич. Участник IX Всесоюзного совещания молодых писателей. Окончил МЭИ, служил в армии, ныне работает инженером по персональным компьютерам.

Элитарная проза?

Конечно, термин приблизителен, поэтому и выносим его в новую рубрику со знаком вопроса.

ОТДЕЛ ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ «ЛГ»

НЕРОЖДЁННЫМ РОЖДЁН БЫЛ ОТЦОМ*

Истр многоводный давно уж остался у нас за спиной, а с Евксинского Понта вновь повеяло каверзным хладом. Римский солдат терпеливый сюда ещё не ступал, от изобильного однообразья природы втихую томясь, и потому каждый из нас, будь то знатный патриций иль воин простой, уносит в это торжище северных ветров частицу вечного града с собой, вспоминая и других подстрекая к тому же, насколько это возможно, беспутные мисты**, свежий хлеб, фалернское, устриц лукринских, целебные термы, отчий кров — словом, кому что привычной.

Ненужная, злоковарная смерть моих многих лучших бойцов, соратников; уроженцев славной Кремоны, сгубила. Всем обещаны многие драхмы в неблизкой добыче, а в назидание виден в густых лучах восходящего солнца знак островерхий моего легиона — орёл серебряный, несущий в цепких, могучих когтях молнию, из золота отлитую, а более — славой сияющую сотен побед ветеранов и первой отвагой тысяч юнцов так, чтоб слабины ни в чьих глазах я видеть не мог и горло ничье от жажды или обилия крови не смело сжиматься зловредным комком.

Я, легионарий, наследный сенатор Фабий Камилл из старинного этрусского рода, иду покорять племя варваров диких, таврами себя именующих, спустившихся с гор и прогневивших моего императора, посеявших страх в крайних провинциях и вызвавших смуту среди здешних рабов.

Я стар, моя грудь иссохла от множества ран, я убелён сединою и славой шумною двух триумфов, даденных мне за исполнение буквы закона и усмирение черни в Пергаме, а также за дань с астуров и бриттов, гельветов и нумидийцев, мною нещадно избитых за то, что единожды бесчестными быть они смели, место рабье забыв и удел полудикий, не желая культуру и нрав отчизны моей перенять.

Начальник конницы моей несокрушимой молод и статен; но звучное имя его слышал народ уже повсеместно в славословных хвалениях; это мой друг и преемник — храбрый и честный квирит Корнелий Лепид — мчится вперёд на разведку во главе своих турм***, ни себя, ни коня не жалея; он из Мантуи родом, отец его квестор.

Скалисты, как люди, здесь горы, климат гнуснейший, мы не знаем дороги в тот край, хворь и сомненья в успехе похода нам омрачают чело и подточили телесно, но мы должны покарать этих тавров за наш осквернённый покой. Что же делать? Горы отовсюду как назло притекли и разъялись, а наши припасы и достопопулярные жертвы подходят к концу, и я не ведаю, как солгать мне надеждой из Рима гонцу. Ну, полно; ущелье, терновник, за ними наш враг. «Но их больше, — шепчет мой друг, читая мысли больные не вдруг. — И, кроме того, всё здесь их защищает, всё им родное: лес и равнина, река, ветер-гонитель и время дождей».

Три ночи не спал: думой своей многотрудной я выстилался над картой, совещался с просвещённым авгуром, Сивиллу**** смиренномудро очами искал, гаруспики**** мне иначе каждый день всё толковали, и казнилса совсем, но тут случайно извёдал я мимоходом, что существует потайная тропа. И думал я, держа всё в строжайшем секрете, что, коли выведу когорты воинов смелых прямо в тыл к диким таврам, всех их оставлю лежать возле жалких лачуг и дворцов и разграблю святыни, все селенья сожгу, а прах и соблазн своеволья, нисколько не колеблясь, развею мечом и местных красавиц в полон уведу. И не будет пощады младенцам, потому что так делал всегда: силой одного и огнём вразумляя, а лукавцев иных дюжину близким научая запахом гари, величие моё и право обнять понуждая.

И решив так, я тотчас повелел мне искать пастухов, в этом краю лилейнорунных овец стерегущих. Долго искали слуги мои и наконец-то нашли старика пастуха и его

красавицу дочь. Я распорядился со старца начать; его привели, развязали, дали вина, и молвил я, возлежа на пышном персидском ковре:

— Пожилой человек, я не буду скрывать: долго я был дипломатом, но люди теперь не страшатся кары богов и закон сокрушают, лишь от жертвенника на шаг отступив, и потому нет им пощады, ибо давшему клятву на верность с ней честней умереть на устах.

— Римлянин гордый, нет в том сомненья, — он мне в ответ возглашал.

— Так вот, слушай: ты тавр ведь, нет от природы во мне к тебе зла, да и к собратьям твоим. В жилах моих течет спокойная кровь, мой дом далеко, Но право кто дал вам на персону посла покушаться, уроженца великого Рима, и гордыней своей неумело так хвастать, что смеялись и боги, и люди почти повсеместно? Покажи мне тропу через горы, и я дам тебе всё, что ты пожелаешь, однако не медли с ответом: мне дорого время.

— Я не замедлю сказать: я не знаю.

— Не лги, ведь ты будешь богатым.

— Да нет же.

— Я дарую тебе сан гражданина!

— Нет, ведь я тавр.

— Послушай, хоть дочь пожалей и не делай из меня ты шакала, ведь и сам я отец. Я прикажу разорвать её псами, ты понимаешь, ведь я тоже хочу иметь лик человека!

— Сделай так, но я не скажу.

— О нечестивец, будь проклят; ты видишь: это мой телохранитель, я отдам её ему в рабство, и обещан будет навеки твой род. Пощади мою душу!

— А так будет мой род уничтожен.

— Ну что ж, не взыщи, мы с тобой оба пожилые мужчины и чтим обычай отцов. Ты умрёшь честно, Церерой клянусь.

А старец, молчал и молчал, точно всю тишину поглотил, что была под тканью палатки.

— Послушай, неужто тебе безразлично, что станется с нею? А где её мать?

— Очень, очень давно один римский воин её заколол, оттого что не дала из своего кувшина напиток.

— И ты не пробовал мстить?!

— Нет, ведь нет её, и свет в очах моих навеки угас.

— Но в дочери ведь её продолженье!

— Где мать, там и дочь; убивайте, насилуйте, только оставьте в покое меня, тихо дайте мне умереть.

— Ну что же, тишину обретешь ты, жаль, что послали мне боги такого врага. Видит Юпитер: я того не желал! — и, разлив чашу вина, в бешенстве я восклицал:

— Уведите!

Теперь красавица дочь, со страхом по сторонам озираясь, ступила в палатку. Телохранитель мой сильный, скуластым лицом усмехнувшись, но не глазами, больно её в спину толкнул, ведь не раз уж ко мне водил он рабынь безъязычных. Но иными сей-час были заботы мои, и, гневно взглянув, я рукой его отослал выйти прочь.

— Как зовут тебя, дочь моя?

— Фиорика, — был мне тихий девичий ответ.

И тут, на её прекрасные воззрившись черты, сжался я, ибо как две капли воды была похожа она на Тарквинию — моего сына невесту, — и в который уж раз сердце, болью накрывшись, смялось в гнойный комок, и все раны мои, закипев, прохладели, ибо лучшей пары сыну для продления рода не мог я желать никогда. Было это недавно, на излюбленном празднике в Риме, был гладиаторский бой, не удержали галлы-рабы пронзённого льва на цепи, на трибуну который, от боли света не взвидя, запрыгнул и Тарквинию, тут же под тентом возлежащую, на клочки разорвал под вопли рьяные племса, от лучезарной крови знатной патрицианки — первой красавицы Рима — в слюноточивом буйном экстазе забившегося. И почернело тогда всё и засохло, смысл и мольбы потеряв, и, не помня себя, я тотчас приказал изрубить всех рабов и зверей. Кровь полилась и успех вместе с нею, ибо толпа, визжа и катаясь в оргии дикой, голоса затем свои мне отдала, и теперь я начальник похода, сам который себе и измыслил, зрелищем пряным всю внутренность смазав и раззадорив скупающий Рим.

— Дева, не бойся, тебя не обижу, я тебе всё потом объясню, я знаю: поймёшь ты, — слабым голосом я говорил, поминутно сгибаясь, точно казнимый каменованием вор. — Покажи мне тропу, если ещё дочь ты отцу, или, сама понимаешь, суров закон у войны.

Недолго она колебалась, бледные губы кусав, и, увидев глаза мои, согласилась, чтоб я отца-старика пощадил.

И сотворил всё, как нужным считал, ибо каждый теперь получил, что хотел, без изъяна.

Корнелий Лепид, мощь и смех источая всем телом красивым, точно с крылами ворвался под вечер в палатку, едва дыханье Фортуны в груди поборов, и шептал он, срываясь на крик:

— Она показала, все когорты пройдут и моя конница тоже, мы изрубим драконово племя так, что некому будет рыдать, ты получишь третий триумф, и молва о тебе вознесётся от бриттов земли до покорённого государства Селевков.

Я усадил его, присмирив буйный нрав, и отвечал так:

Ты молод — я стар, и пусть же мой третий станет первым твоим. Я останусь здесь навсегда, дабы на этом света краю овец охранять златорунных. Я стал слаб, малодушен, и в Риме мне нечего делать, а с племенем диким ты справишься сам, отныне

веди мой легион, а сыну ты скажешь, что слёг я случайно от вражьей стрелы, и тобою я был отомщён.

Он вздумал вскочить и перечить, но я возложил перст ему на уста, вымолвив только:

— Делай так, я ведь знаю, ты бредишь ночами, мысля легионарием стать.

И удалился юнец, пожимая плечами в такт ровным мыслям своим.

К рассвету все шесть тысяч были готовы. Я вышел в тунике, богато расшитой, мечом вдаль указал и воскликнул:

— Солдаты! Рим на ваших плечах! В сердцах ваших чистая радость жён, матерей! В глазах ваших ветеранское мягкое ложе в пенатах и многие дети ваши и внуки, с трепетом раны ловящие оком и седину! Всюду должен быть Рим: на Земле и на звёздах, и так до скончания века, пока лица наших древних богов обращены к нам и покуда мы не забыли наши святыни и кто мы по крови своей и назначенью пред Миром! Я не должен видеть там глаз, я должен зреть там лишь затылки и спины покорных рабов! Ваш меч — ваше слово, ваше слово — закон!

И ушли они, тихо; но бойко гимн напевая, под знаменем нашей богини Виктории на шаре, пыль придорожную не взволновав и не потревожив сна диких тавров, увидавших роскошные сны длиной в бесконечность. Я вывел пастуха-старика из землянки, он повиновался, смиренно молча, от вида восходящего солнца неслышно втихую томясь.

— Ты всё честно исполнил и ничего не сказал, ты чист, ты муж достойный, мы уходим назад, таврам ничто не грозит; но по закону войны ты должен погибнуть, как я обещал; дочь твоя невредима, я её отпустил.

Он выслушал мой приговор так же молча, в пенье утренних птиц всей сутью вникая. Я повелел яму вырыть длиной в его рост, что он исполнил, не смея лика поднять и промедлениями мой гнев вызывать. Я снял пурпурную широкую полосу и башмаки, что из красной кожи с застёжкой костяною в виде полумесяца сделанной были; он удивился.

— Ну что ты стоишь? Снимай свою шкуру, ты умрёшь голым, — я крикнул ему, и он разделся, явив мне всю убогость своей наготы беззащитной. И тут только, возложив наземь шкуру учтиво, он вздрогнул и глянул в глаза мне, что-то уже понимая, но поздно: меч острый вонзил я прямо в сердце ему, и он рухнул так тихо, что я не слышал.

Затем тунику я снял и обрядил его, как и задумал, пурпурную полосу я на узком трупe его затянул, обул его в башмаки и, наконец, сняв перстень***** с руки у себя, на палец надел мертвецу:

— Теперь Ты сенатор! Носитель славы триумфов за жену и за дочь, — сказал я, на жарком солнце страдая, шкуру надел и продолжил: — Спасибо Тебе, кровный брат мой, Ты умер так, как Тебе подобало. Ты будешь лежать. как патриций; Ты умер так, как я никогда не сумел бы, невзирая на сан.

Его закопал, почесть ревниво блюдя, и, поклонившись изрядно, ушёл к соседней землянке и, выпустив дочь, говорил с нею так:

— Твой отец убил бы тебя, когда бы узнал, что ты предала, я знаю; тавры — гордое племя, а тебе нужно жить; теперь я тебе буду отцом, ведь тебе нужен отец, коли боги отняли мать.

Она вскрикнула и убежала, рыдая и меня, и весь свет проклиная. А я сел наземь, довольный судьбою, и думал, глядя на притихшее стадо овец:

Сын взрослый утрату залижет и дорогу найдёт, я его научил, вторая жена молодая давно уж открыто живет с торговцем Гаем Клементом — всё я видел при жизни и всё я имел: деньги, славу, триумфы, дворцы. Что ещё нужно? Корнелий Лепид получит долгожданный триумф, лавровую ветвь на Форум под крики неся, ведь он так нужен вначале, чтобы юноше духом не пасть, а я поучусь уменью молчать, всё нехитро снося, у овец и дочь его воспитаю. Я знаю отходчивый девичий нрав, ведь она всё поймет потом и оценит, потому что судьба всегда так благосклонно со мной поступала, как того я лишь желал.

И только теперь, во главе этого тихого, беззаботного вечного стада, понял я, что нерождённым рождён был отцом...

«Литературная газета» 1990 г.

* Децим Магн Авсоний. «Молитва».

** Мистерии — таинства Вакха, позднее запрещённые.

*** Соединение кавалерии, входящей в легион.

**** Пророчица, в состоянии экстаза предсказывающая судьбу.

***** Коллегия жрецов, предсказывавших будущее на основании внешнего вида внутренностей жертвенного животного.

***** Все вышеперечисленные атрибуты являются символом сенаторской власти.

OCR & SpellCheck: М. Лявдари

Русский Интеллектуально-Познавательный Ресурс
«ВЕЛЕСОВА СЛОБОДА»

Если вы хотите автоматически получать информацию о всех обновлениях на сайте, подпишитесь на рассылку --> [Новости сайта Велесова Слобода](#).